

Жил-был ты...

Жил-был ты. Сильный, быстрый, нелюдимый. Когда появлялся в городе, приносил с собой запах костра, речной прохлады, дороги и вольности. Мужчины хмурили брови и вздыхали, тоскуя о недостижимой свободе. А женщины вводили в дом детей и торопливо чертили в воздухе охранные знаки, потому что видели в твоих зрачках пустоту и страшились ее.

Угрюмый длинноволосый бродяга, одинокий и равнодушный к любым проявлениям жизни. Пройти по шаткому мостку над пропастью, вдохнуть свежий аромат кремово-белых кистей чубушника, разорить гнездо пеночки или часами смотреть в огонь — нет разницы, как убивать время. Суровыми некрашеными нитками сплеталась судьба, а сердце саднило, стянутое прочными швами свободы. Одиночке проще, не так ли? Никого не вспоминать днем, не видеть во сне ночью; вечером не произносить заветное имя в молитве, с утра не ждать привета.

Можно сказать, тебя и не существовало. По крайней мере, до встречи на перекрестке, у заброшенного колодца под осокорем.

Ты шел вслед за дорогой, не гадая, куда попадешь. Если не стремишься к цели, то не важно, светит солнце в спину или испещряет веснушками щеки, камень или песок шуршат под сапогами, овеивает лицо колючий, со снежинками, ветер или сквозистое благоухание розоватых цветков каперса... На поясе в кожаном чехле — нож, за плечами — рюкзак, впереди — неизвестность. Высматривая местечко для отдыха, ты увидел придорожный колодец. Зеленел по камням сочный мох, валялась на земле снятая крышка, рядом — куртка и поношенные ботинки. Значит, стоило заглянуть внутрь. Дрожали зубчатые листья осокоря, чернела кора, сиротливо трепыхался обрывок веревки, привязанный к стволу. А в пересохшем колодце кто-то сидел. Мальчишка. Он слабо взмахнул рукой, приветствуя твою крепкую веревку. Ты вытянул его, осмотрел. Кости целы, а ушибы заживут. Он жадно пил воду, опустошая твою баклагу, и тут из ворота его пыльной рубашки показалась коричневая мордочка, раздался требовательный голодный писк. Сложные версии поступка (поиски клада, укрыться от разбойников, попытка увидеть днем звезды) разбились о наивный детский ответ:

— Полез в колодец за виверрой? Зачем?

Зверек тарасил огромные глаза, выпускал и втягивал коготки, потом принялся мурлыкать, когда мальчик погладил золотистобурую шкурку. На спинке и голове подсыхали ранки — следы от когтей и клюва крупной птицы. Филин, что ли, нес и в колодец уронил? Да, маленькой виверре крупно повезло.

— Она плакала.— Паренек виновато улыбнулся, и тут ты почувствовал: с пронзительным, но никому не слышным звоном лопнул первый шов на сердце.

Мальчик умел вызывать приязнь — так же, как виверра умела плавать или лазать по деревьям. Взлохмаченные светлые волосы и худая шея, обветренные губы и хрупкие пальцы, обнимающие зверька, творили чудеса с твоей душой-одиночкой. Проснулись давно забытые желания: обнять, согреть, накормить. Вдруг понадобился дом, желателен обитаемый и уютный, и чтобы в сундуке хранилась чистая одежда, а на столе, накрытые полотенцем, ждали хлеб и молоко... Умение не выбирают, с ним рождаются. И маль-

чишка смотрел на тебя робко, понимая, что между вами протянулась крепкая багряная нить, пока не имеющая названия. Любовь или дружба, отношения отца и сына или ученика и учителя, — но узелки уже затянулись, и с перекрестка вы ушли вместе...

Паренька звали Вьюнок, а пушистый зверек остался безымянным. Да и не требовалось его приманивать: виверра неотступно следовала за Вьюнком, терлась о ноги, мурлыкала и в подарок приносила задушенных крыс. В общем, вела себя с хозяином как большая доверчивая кошка, а ко всем прочим относилась настороженно и, наверно, укусила бы протянутую руку. Может быть, поэтому желания потрогать ее не возникало.

С того вечера вы не разлучались и бродили по земле втроем. Получить хлеб и приют теперь не составляло труда. Одно дело, когда синим звездным вечером в дверь стучал подозрительный одинокий бродяга — такой и ограбить, и убить может. И совсем иначе люди смотрели на двух верных друзей, которые путешествуют в компании ручного зверька и располагают к долгой беседе за кружкой пива. Мужчины больше не сторонились тебя, приятельски хлопали по плечу: если с другом, значит, хороший человек. А Вьюнку достаточно было улыбнуться, чтобы хозяйки заспорили, у кого вы переночуете. Словно манящие чары исходили от полудетской фигурки, потому что люди вдруг делались добродушными и доверчивыми. Даже ты, одиночка по натуре, с ужасом думал о часе разлуки. А час этот неумолимо приближался.

Вьюнок рос, из худенького мальчишки превращаясь в стройного подростка с кошачьими повадками и влекущей улыбкой. На него заглядывались девчонки, а женщины вздыхали и, прикрываясь материнской заботой, норовили приласкать, погладить. Ты опасался появления особы, которая заберет у тебя друга. И однажды она появилась.

Солнце садилось, лиловое небо оттеняло черный еловый лес, дорога становилась шире и ухоженней. Приземистыми домиками и мощеной улицей, запахом чечевичной похлебки и горящими фонарями у калиток, тихим сонным поскрипыванием флюгеров начался очередной маленький город.... Вы не знали названия, но видели — здесь славно. На вопрос о гостинице встреченный старик-фонарщик оглядел вас, приметив и грязную потрепанную одежду, и пустые кошельки, и взрослую виверру, коричнево-золотистым облачком крутившуюся у ног. Покачал головой:

— В гостиницу не пустят. Лучше идите к Альбине-вышивальщице.

Улыбка Вьюнка, беззащитная и располагающая, подействовала и на него. Прихватив холстинный мешок с инструментами, старик вызвался показать дорогу. Разглядывая аккуратно подстриженные живые изгороди и предвкушая горячий ужин, ты вполуха слушал размеренную речь фонарщика. На прощанье он попросил:

— Не обижайте нашу Альбину. Она добрая, хотя и со странностями. — И ушел, прихрамывая, вверх по улице, зажег фонари на калитках.

Вьюнок улыбнулся:

— Альбина понравится нам, правда? Мы ведь тоже со странностями.

Ты пожал плечами. Какая разница. Лишь бы в доме отыскались спальное место и немного еды...

Поросшая гвоздикой-травянкой и диким овсом дорожка юркнула в огород, оставив вас на пороге. Молоточек деликатно стукнул три раза. Через минуту Альбина открыла дверь. Под тусклым светом лампы едва высветилось лицо, наполловину скрытое распущенными волосами; сверкнул и пропал во тьме узкий футлярчик, висевший у девушки на шее; рисовальным швом пробежали по корсажу искристые змейки; колыхнул подол длинного платья.

— Пустите переночевать, хозяйюшка, — приветливо попросил Вьюнок.

Она посторонилась, впуская вас. Молча показала, где взять еду, куда ложиться спать, — и ускользнула в сумерки.

Второе место на конкурсе фантастики «Химии и жизни» в 2005 году заняла Екатерина Медведева с рассказом «Жил-был ты...». Екатерине 25 лет, она родилась и живет в Бресте. Пишет сказки и фантастические рассказы.

Виверра лакала молоко из миски, на усах висели белые бусинки, длинный хвост неподвижно лежал на полу. Ты лениво смотрел на огонь в очаге и думал, что это совсем неплохо — иметь крышу над головой: тепло, уютно, мирно... Пели сверчки, вдоль стен мерцали тени, сухие поленья пахли медом и смолой. Выюнок бродил по комнате с лампой, разглядывая вязаные дорожки на полу и посуду в ореховой горке. Потом не выдержал и приоткрыл резной сундучок, стоявший у окна. В ровном свете блеснуло золото.

— И правда — странная. Обычно люди прячут ценности, а она выставляет напоказ, — сказал ты.

— Может, золото — не главное в ее жизни? — задумчиво произнес Выюнок,

пересыпая монеты из ладони в ладонь. — Холодные. — Он закрыл сундучок, подсел к огню, чтобы согреть руки, и вскоре задремал.

Все реже взлетали и опускались его ресницы, сонная улыбка постепенно соскальзывала с лица, и только уголки губ оставались приподнятыми. Даже во сне мальчик чему-то радовался. Ты до сих пор не свыкся с этой его солнечной безмятежностью, потому что сам никогда не улыбался: нельзя — такое делает человека беззащитным, доверять без оглядки — непозволительная роскошь.

Не дождавшись возвращения хозяйки, под тихий шелест дождя за окном, ты уложил мальчика на тюфяк.

— Она промокнет, — прошептал Выюнок уже во сне.

Ты прикрыл его одеялом, погладил по мягким волосам и вернулся к огню. А может, подумал, забросить рюкзак в пыльный угол и не вспоминать о дорогах? Отдаться нехитрым прелестям размеренной оседлости?.. Слово соглашаясь, виверра сыто замурлыкала, когда забралась к тебе на руки и свернулась клубком.

И вскоре дом погрузился в безлунную серую дрему.

Утро подкралось на мягких лапках и осторожно тронуло ароматом свежее испеченного хлеба. Проснувшись, ты долго не мог понять, где находишься. Глядел на беленый потолок, бревенчатые стены, знакомый резной сундучок и прислоненную к столу ольховую метелку. На сундучке сидела виверра и облизывалась, потом потянулась и выпрыгнула в открытое окно. А где Выюнок?

В соседней комнате беседовали и смеялись. Тоскливая ревность воткнула в сердце первую колючку. Раньше Выюнок не искал женского общества. Что изменилось за ночь?

Ты придрал лицу равнодушное выражение и, толкнув дверь, оказался, судя по всему, в мастерской. На лавках лежали стопки полотна, разноцветные отрезки шелка, тяжелые рулоны бархата. В корзинках яркими пятнами теснились мотки крашеной шерсти, золотые и серебряные клубки. Связанные косами, пестрели вышивальные нитки, игольница щетинилась толстыми и тонкими иглами. В раскрытой берестяной шкатулке — наперстки, лоскутки, обрывки кружева, шильца и крючки. За столом у окна, чтобы свет падал слева, сидела Альбина. Круглолицая, стройная девушка, перетянутая в талии узорчатым кушаком, в светлом березовом платье. Бледная кожа, гладкие волосы, собранные сеточкой, на груди продолговатый кожаный футлярчик. Губы сжаты, ресницы опущены. Круглые маленькие пальцы, привинченные к столу, отдыхали с неоконченным вензелем, а мастерица работала над материей, заключенной в прямоугольную деревянную рамку. Рядом примостился Выюнок и рассказывал байки, на которые девушка иногда отзывалась коротким смешком.

— Альбина вышивает мне рубашку! — воскликнул мальчик в ответ на твоё «доброе утро». Ты по привычке пожал плечами, но

вежливость заставила посмотреть на ткань. Ну да, выюнки, белые, розоватые, перевитые зеленой завитушкой стебля. Мастерица отвлеклась и посмотрела на тебя в упор. Сердце екнуло, подпрыгнуло и будто остановилось. Багряная нить натянулась до предела, врезаясь в живое, причиняя боль. Вот она, разлучница. Легкой вязью движений, невесомыми штрихами взглядов, мимолетными виньетками улыбок — стежок за стежком — привяжет к себе Выюнка, пришьет его судьбу к своей, заставит позабыть прошлое. Маленькие ножницы с острыми концами скоро перережут прочную связь дружбы... Дышать стало невозможно, в горле пересохло. Ты замер, глупо уставившись на Альбину. Девушка смущенно спряталась за мелькающей черной иглой.

— Она и тебе рубашку вышьет, — радостно сообщил Выюнок. — Охранный узор, волшебный.

Ты кивнул и поспешил на улицу. Вдохнул запах ночного дождя, плеснул на лицо ледяную воду из рукомойника, пожегился. Сердце опомнилось и снова застучало. Выжидая, пока чувства улягутся, ты принялся рассматривать двор. Увитый бальзамином палисад; неухоженный огород, где раскинула пятнистые листья расторопша; желтыми язычками лепестков дразнились осот; поблескивала бирюзовыми росинками лебеда; колодец; дровяной сарай. На поленице сидела виверра и принохивалась, насторожив уши. Ей тут нравилось. И Выюнку... Они оба не прочь поселиться в этом доме. А ты собирался позавтракать и уйти.

Вернулся в комнату — и наткнулся на умоляющий взгляд Выюнка.

— Давай задержимся, пожалуйста, — попросил он. Хотел добавить что-то, но смутился.

И снова тоска и боль прошептали: видишь, какой он уже взрослый, привлекательный, желанный! Видишь, как ласково глядит на него Альбина! С Выюнком она разговаривала и шутила, а с тобой — испуганно молчала, страшась неподвижного, без эмоций, лица. Ну что поделать: умеешь только пугать, а не внушать любовь. Раньше этим гордился, а теперь загрустил.

Вы остались у мастерицы, не оговаривая срока.

Миновала неделя, потом другая. Будни затягивали, становясь привычными и приятными. Вертелся флюгер, цвел бальзамин, охотилась на мышей виверра. И все же ты понимал: однажды уйдешь отсюда, подчинишься зову дороги. А пока расслабился и старался платить за гостеприимство. Смастерил Альбине раздвижные ясеневые пальцы, научил крепить колышки и запяливать ткань. Точил ножницы, костяным дыроколом готовил полотно для белой глади, вымачивал нитки в горячей воде, проверяя качество окраски. Ручной труд приносил спокойное удовольствие, в памяти всплывали неожиданные знания.

Однажды торговец принес Альбине иголки. Девушка неуверенно рассматривала товар, и ты не утерпел. Качественная игла — упругая. Чтобы проверить, нужно просто переломить одну. Те, которые ломаются, как стекло, или гнутся, как проволока, — не годятся. А вот если сопротивляются пальцам и перелом выходит гладким — товар стоящий. Гладким должно быть и ушко, иначе кончик нитки рассучится и прорежется. И уж конечно, не стоит отдавать предпочтение искривленной игле: стежки получатся неверными и усилия пойдут насмарку... Увлечшись, ты подобрал полный комплект — короткие и длинные, цыганские и гобеленовые. Альбина лишь расплатилась. Потом, удивленная, предложила испробовать попку. Ты неуверенно сделал первый прокол, вышел ряд крестов на голубом батисте, закрыл контур — и, выронив пальцы, схватился за грудь, где вспышкой искр разорвался второй шов...

В дом Альбины каждый день приходили люди. Крошечные саше и необъятные скатерти, кружевные салфетки и раззолоченные кошельки — дело спорилось, горело. Выюнок помогал, выполняя несложные поручения: приметать или выдернуть канву, отнести готовый заказ. Он щеголял в рубашке, расшитой выпуклыми цветками, а ты... а тебе девушка до сих пор не подарила обновку,

хотя вроде и обещала. Помнила, конечно, но почему-то медлила, словно не различала рисунок твоей темной души. Ты же наблюдал, как под ее ловкими пальцами рождаются переплетные орнаменты, рельефные монограммы, дворянские и княжеские короны, — наблюдал и замечал: для отделки крестильных рубашечек и венчальных нарядов мастерица достает острую черную иглу из футлярчика на груди. Однажды Альбина вернула молодой матери детскую крестильную сорочку, не оживленную ни единым витком или петелькой. Женщина разрыдалась. Чудно: ведь можно отдать заказ другой вышивальщице, чего же горевать...

Однажды вечером собрались к ужину. Вьюнок теребил край скатерти, обрамленной васильками и пятиугольными листьями, дразнил виверру. Ты резал хлеб и наливал вино, изредка поглядывая на мастерскую Альбины. Сегодня девушка непривычно задержалась — никогда раньше не работала при лампе, берегла зрение. Вьюнок тоже беспокоился и вздыхал, прислушиваясь к вечерней тишине.

Наконец Альбина появилась, заплаканная и словно погасшая.

— Игла сломалась, — проговорила она.

— И только? Купишь новую, — улыбнулся Вьюнок.

— Такие редкости водятся не в лотке торговца, а лишь под сводами таинственного замка леди Мулине. — Мастерица положила на стол пустой футляр. — Больше я не смогу начертить чужую судьбу, залатать сердечные раны, стянуть края глубокого горя, оттенить и сделать ярче тусклую, скучную жизнь. — Она всхлинула. — Видел же: крестильные рубашечки и свадебную одежду я вышиваю особой иглой.

— И саваны? — спросил ты.

Девушка опешила:

— Савану вышивка не нужна, разве не знаешь?

Тут же в памяти возникли безутешная мать и белая крестильная рубашечка.

— Кто это — леди Мулине? — спросил Вьюнок.

— Выдумка, детская сказка, — отрезал ты.

— Нет, не сказка! — горячо возразила Альбина. — Среди серых вязов, возле озера, стоит бело-голубой замок. Владеет им леди Мулине. Прекрасная и бессердечная волшебница, она создает изумительные вещи при помощи чар и людских эмоций. Чем сильнее чувства, принесенные в жертву, тем могущественнее сотворенный предмет. Мою иглу добыл дедушка — для бабушки. Все забрала у него леди Мулине — любовь, дружбу, желание трудиться. А взамен три шва наложила на сердце, чтобы оно выдержало дорогу. Дедушка открыл дверь, молча отдал узкий футлярчик — и умер на пороге.

— А эту историю бабушке поведал призрак? — не удержался ты.

Мастерица грустно взглянула, поднялась и вышла. Вьюнок бросился следом. Обовьет, утешит, согреет улыбкой, он умеет.

Ужинать довелось в одиночестве. Виверра смотрела укоризненно и отказалась от жареного куриного крыла. Потом выпрыгнула в окно. Ты долго сидел у огня, ждал друга, но Вьюнок не вернулся из комнаты Альбины. Так-то. Они — вдвоем, мальчик сделал выбор, и третьему лишнему пора откланяться.

Но утром оказалось, что Вьюнок тоже собирается. В замок леди Мулине.

— Может, взять денег? — задумчиво спросил он. — Купить иглолку за сундучок с золотом?

— Для леди Мулине деньги не имеют ценности, — ответила заплаканная Альбина. — Она потребует самое дорогое, что есть у человека. Не ходи, Вьюнок!

— Вернусь, — пообещал он.

— Вернется, я позабочусь, — пообещал ты.

— Пойдешь со мной? — просил Вьюнок. — Тогда бояться нечего!

И лицо мастерицы посветлело. Что же, хоть на роль охранника сгодился, невесело подумал ты. Заточил нож, проверил сапоги, наполнил водой баклагу. Дорога звала, тянула. Чудились в мня-

щей дымке зеленый пологий холм и подернутая туманом лощина, легкомысленный пересвист ветра в камышах, аромат можжевельника, терпкий вкус ягод облепихи...

Держа на вытянутых руках аккуратный сверток, подошла Альбина.

— Прими от меня подарок. — Ее голос срывался, в нем ощущалась тревога.

Нет, ты не вздрогнул. Но холодная, колючая ладошка сжала сердце, зазмеился через трещинки страх. Подаренная рубашка ослепила нетронутой белизной. В таких — хоронят, пронеслось в голове.

— Игла сломалась, когда я хотела сделать первый стежок. Прости.

— Не страшно. — Ты пожал плечами, стараясь казаться равнодушным.

Выпили молока, помолчали на прощанье — и покинули город. Шемящая тоска заставила оглянуться на желто-красные, со шпорцем, цветы бальзамина, фонарь у калитки, неподвижный флюгер, а рядом, на крыше, — темный силуэт зверька. Альбина стояла, глядя на вас... нет, пожалуй, на Вьюнка. Отчетливо виделось, как нежность окутывает Вьюнка, целует, приглаживает мягкие светлые волосы, бережно берет за руку и ведет его по дороге. Тут и охранники-талисманы ни к чему. Ступая шаг в шаг за мальчиком мыслями и молитвами, Альбина не позволит ему погибнуть. А вот тебе осталось надеть белую рубашку и шагать навстречу приключению. Даже если оно окажется последним...

На перекрестке, у колодца под осокорем, Вьюнок в растерянности остановился.

— Кинем жребий? — спросил он, вглядываясь в убегающие дороги.

— Ни к чему. Нам направо.

— Ты знаешь, где живет леди Мулине? А говорил — выдумка.

— Для того и говорил, чтобы тебя сберечь от глупостей.

Мальчик вздохнул. Ты промолчал, сожалел и не в силах ничего изменить. Эх, мечтал стать ему отцом, другом или учителем. А станешь — воспоминанием, которое постепенно вылиняет, истлеет. Перетретесь багряная нитка, исчезнет, уступит место радужной вышивке любви.

— Идем. Если поторопимся, успеем дотемна.

Мальчик оглянулся на город.

— Идем...

Уже много лет никто не стремился попасть в замок леди Мулине — поэтому дорога изо всех сил старалась угодить путешественникам, наконец ступившим на нее. Она убирала из-под ног камешки, прокладывала мостки через лужи и овражки, рассыпала по обочинам алую землянику, родники, тенистые липы. И к полудню замок показался вдали — бело-голубой, филигранный, изящный, словно вытканная картина в золотистой раме солнечных лучей. Замерли гладкие, матово-серые вязы, боялись шевельнуться метелки травы, не прилетали пчелы к ярким соцветиям гравилата, по озеру не пробежал ветерок, и лебеди застыли парой изломанных линий.

— Немыслимо! — восхищенно прошептал Вьюнок. Потом, словно перейдя невидимую границу, шагнул на лужайку — и иллюзия пропала. Встряхнули шероховатыми листьями вязы, смялась тра-

